ных явлений, возникают новые акторы (субъекты) изменений. Соответственно, появляются новые концепции культуры, отражающие многообразные направления рассмотренных социокультурных трансформаций.

**Литература**

1. *Cohen R., Kennedy P.* Global Sociology. L.: Palgrave Macmillan, 2007.
2. *Хелд Д.* и др. Глобальные трансформации: экономика, политика и культура. М.: Праксис, 2004.
3. *Ritzer G.* The McDonaldization of Society. L.: Sage, 1993.
4. *Pieterse Nederveen J.* Globalization and Culture: Global mélange. USA: Rowman & Littlefield Publishes, 2004.

# ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

**Марина ФЕДАН**

**аспирантка кафедры политологии и этнополитики Южно-Российского института – филиала РАНХиГС**

Категории «идентичность», «идентификация», «самоидентификация» достаточно хорошо разработаны психологами, антропологами и социологами. В настоящей статье рассмотрена социальная идентичность в политологическом измерении.

Унифицирующая человечество глобализация вызвала к жизни процесс самоидентификации не только индивидов, но и сообществ на уровне национальных государств (глокализацию). Попытка объявления «общечеловеческими» европоцентристских ценностей столкнулась с исторически сформировавшимся многообразием культур и цивилизаций. Уязвима такая попытка и с «позиций нравственного разума», определяющего право мировых субъектов на сохранение собственной идентичности [1, с. 368].

Термин «идентификация» был введен в научный оборот З. Фрейдом и рассматривался им как центральный механизм, обеспечивающий способность индивида к саморазвитию. В социологии идентификация трактуется как один из механизмов социализации личности через усвоение ею социальных ролей, образцов и моделей поведения.

Ряд авторов рассматривает идентичность в ее политической ипостаси как категорию социального и гуманитарного знания, ориентированную на «выявление и описание смысловых характеристик индивидуальных и коллективных действий в контексте (само)определения принадлежности субъектов данных действий к тем или иным группам и/или сообществам и соответствующим ценностно-нормативным регуляциям» [2, с. 18].

Идентичность совмещает в себе процесс самоопределения личности и соотнесение с образом другого, причисления себя к какой-то группе, сообществу, коллективу. Совмещение самоидентификации и идентификации с определенным коллективом выстраивает коллективную идентичность, которая является характеристикой социальной природы человека, определяющей его принадлежность к семье, государству, этносу, профессии и прочим социальным группам.

В процессе концептуализации идентичности можно выделить ее сильный и слабый конструкты. Сильный – представляет собой характеристики, присущие практически всем индивидам: пол, раса, возраст, национальность, гражданство. Эта информация является открытой, явной и используется государственными структурами, например, системой образования. Ранние этапы исследования идентичности базировались именно на этих маркерах. Но динамичные трансформации общества привели к тому, что предметом исследований становится так называемый слабый конструкт идентичности, включающей такие ее черты, как множественность, неустойчивость, текучесть и т. д. Предметом особого интереса стал анализ процессов идентификации, в результате которого установлено, что идентификация может идти по множеству оснований, но точкой отсчета является ценностной выбор – соотнесение с ценностями, нормами и правилами, принятыми в данном обществе и их разграничение от ценностей, норм и правил других.

История знает немало случаев, когда коллективная идентичность навязывалась обществу «сверху» по причине каких-либо политических решений. Такие «прививки», как правило, сопровождаются социальным напряжением, а порой и катастрофой. Самоидентификация индивидов идет от самоопределения «я» к определению «мы», от дихотомии «я» – «он» к дихотомии «мы» – «они». Коллективная идентичность таким образом возникает в результате самоопределения индивидов, конструирующих определенные коллективные идентификации. Необходимо отметить, что анализ соотношения индивидуальной и коллективной идентичностей содержит большой политологический потенциал. Как индивидуальное сознание человека определяет его характер и судьбу, так и общественное сознание нации определяет ее менталитет и историю. Коллективная идентичность формируется не только под идеологическим влиянием государства и элиты, но и путем изменений в массовом сознании в результате институциональных экономических, политических и культурных сдвигов.

Исследуя политическую идентичность как коллективную, В. Лапкин и И. Семененко составили ментальную карту идентичности [2, с. 26]. Они отталкивались от социальной идентичности как родового понятия, дифференцируя ее далее на социально-ролевой, политический, социокультурный и пространственно-территориальный виды. В рамках каждого вида выделены подвиды. В социально-ролевую идентичность входят: классовая, гендерная, профессиональная, корпоративная, сетевая, поколенческая. Политическая идентичность включает: гражданскую, национальную, макрополитическую, имперскую (постимперскую), идейно-политическую, партийную. Под социокультурной идентичностью понимаются следующие ее проявления: цивилизационная, религиозная, конфессиональная, онтологическая, национально-цивилизационная, этническая, языковая. В пространственно-территориальную идентичность включены: территориальная; локальная; региональная; приграничная; наднациональная (макрорегиональная).

Нельзя не отдать должное авторам приведенной классификации, предложивших одну из наиболее унифицирующих схем, позволяющую рассмотреть составляющие структуры такой сложной категории, как идентичность. Необходимо также остановиться на правомерности использования понятия социальная идентичность. Некоторые ученые предпочитают использовать термин «коллективная» или «групповая» (Г. Миненков, Г. Тэджфел). Представляется, что термин «социальный» является более широкоохватным и общим и включает все сферы социума, в то время как «коллективный» и «групповой» отражают принадлежность к более дробным понятиям «коллектив» и «группа». В политологическом плане интересно замечание Г. Дилигенского о том, что «идентификация индивида с боль-

шой социальной группой является в любом случае мощным фактором политического выбора» [3, с. 282]. В любом случае политологический анализ идентичности предполагает апеллирование преимущественно к коллективной идентичности как к комплексу представлений субъектов политических процессов (политических сообществ).

Возвращаясь к вышеупомянутой классификации социальной идентичности, где политическая идентичность выделена в вид с шестью подвидами, необходимо заметить, что данная классификация достаточно условна (хотя бы по такому подвиду идентичности, как классовая, которая отнесена к социально-ролевой). Но политический характер самоидентификации субъектов с тем или иным классом очевиден. Вне зависимости от той или иной теории, сохраняется конфликтная составляющая идентичности, в том числе и ролевой, объясняющей взаимоотношения людей в иерархической социальной системе господства и подчинения. Политическая идентичность отражает коллективный характер социальных отношений, в которых одна из сторон иерархии (индивид, группа, организация) сосредотачивает в своих руках средства властного принуждения.

В настоящее время особую актуальность приобрела проблема идентификации политических сообществ и самоидентификации их членов. Появились национальная, гражданская, политическая идентичности, которые трактуются как необходимые условия жизнеспособности политического сообщества [2, с. 8].

Политическую идентичность можно рассматривать и в прямом, и косвенном измерениях. Прямое измерение предполагает непосредственное соотнесение гражданами своих представлений, предпочтений и действий с политическими институтами и процессами (членство в партии, участие в выборах и пр.). Косвенное реализуется во вхождении расовой, этнической, религиозной, культурной и прочих идентичностей в политическое поле и политический процесс (борьба этносов за независимость, отмену сегрегации по расовому, культурному, языковому и прочим признакам). Наиболее распространено употребление прилагательного политическая к этнической, религиозной или институциональной идентичности: российская политическая идентичность, сербская политическая идентичность, исламская политическая идентичность и др.

Наибольшей популярностью в общественной дискуссии пользуются такие категории политической идентичности, как гражданская и национальная. Гражданская идентичность является конституирующим основанием современного национального государства, и поэтому толкования термина не вызывают принципиальных разногласий. Гражданская идентичность «связывает индивида и государство путем закрепления правового статуса гражданина – члена национально-государственной общности и вытекающих из такого статуса свобод, прав и обязанностей» [2, с. 77]. Самоидентификация индивида как гражданина основана также на соотнесении себя с гражданским обществом и уверенности в праве и способности его влиять на принятие политических решений в стране. В условиях глобализации происходят трансформации гражданской идентичности, появляются признаки ее многоуровневости, некого «всемирного гражданства», когда жизненные коммуникации индивидов перестают совпадать с территорией отдельного национального государства. Но, как показал опыт строительства Европейского союза, институт гражданства ЕС находится еще в стадии формирования.

Несколько иная ситуация с категорией национальная идентичность. Логично предположить, что, подобно тому, как гражданская идентичность опирается на правовой статус гражданина, так и национальная идентичность должна исходить из понятия нация. Между тем четкого определения нации до сих пор нет, и отличить нацию от других общностей довольно сложно.

Английский историк Э. Хобсбаум считает, что построение нации можно соотнести с процессом построения государства в современном понимании этого слова [4]. В XIX в. жители европейских стран стали объектами внимания государства. Традиционные каналы легитимизации власти – династические права, «божья воля» были серьезно ослаблены. Потребовалась новая, «гражданская» религия, объединяющая население в единый народ, нацию. Так появился государственный, или гражданский, национализм, делающий разночинное население нацией. Он давал народу общую память, знаки, символы, героев, официальный единый язык – язык нации.

«Принцип этнической принадлежности, на чем бы он ни основывался, это легкий и четкий способ выражения *истинного* чувства групповой идентичности, которая связывает всех “нас” потому, что подчеркивает наше отличие от “них”. А что у “нас” на самом деле общего, помимо того, что “мы” – не “они”, – это не так ясно. В любом случае, принцип этнической принадлежности выполняет роль одного из способов, позволяющих наполнить пустые емкости национализма» [4, с. 335]. Таким образом появилась политическая программа, построенная по принципу «каждой нации – государство» того образца, который сложился после Французской революции.

Неоднозначность категории национальная идентичность фиксируется ее многомерностью, наполнение которой образуют государственная, гражданская, этническая и социокультурная составляющие [4, с. 80].

При рассмотрении наиболее политологически содержательных концептов гражданской и национальной идентичностей необходимо определить следующие позиции. Гражданская идентичность, основанная на правовом статусе гражданина, предполагает важным условием наличие гражданской ответственности и солидарности членов сообщества. В условиях российского становящегося гражданского общества выбор делается в пользу принадлежности россиян к российской нации, т. е. национальной идентичности. Выбор национальной самоидентификации россиян имеет отличительные особенности от сложившегося в мировой общественной науке взгляда на национальную идентификацию. Принято, что национальная идентификация апеллирует к единой политической нации, общей духовной и политической культуре, общим ценностям (Ю. Хабермас). По причинам социальной и политической дифференциации, слабой социальной защищенности и гражданской солидарности и, главное, разноуровневой политической культуры данный тренд в российском общественном сознании не преобладает. В российском варианте становление национальной идентичности опирается не на гражданскую солидарность, а на понятие нации как полиэтничного и поликультурного сообщества («многонационального народа»), исторически скрепленного русским цивилизационным ядром с его государственническим началом.

Процессы идентификации в динамично развивающемся российском обществе актуализируют вопросы политологического анализа и разработки инструментария, которые позволяют выявить ценностные ориентации участников политических процессов, влияющих на эволюцию политических институтов.

**Литература**

1. *Ахиезер А.С.* Социокультурный ракурс российских реформ / Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С. Реформы и контрреформы в России. М.: Изд-во МГУ, 1996.
2. Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т.1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий / отв. ред. И.С. Семененко. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.
3. *Дилигенский Г.Г.* Социально-политическая психология. М.: Институт «Открытое общество», 1994.
4. *Хобсбаум Э.* Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002.